

18+

**ДА БУДЬТЕ СЧАСТЛИВЫ ВЫ,
НАКОНЕЦ!**

ЕКАТЕРИНА ГЛИКЕН

Екатерина Константиновна Гликен

Да будьте счастливы вы, наконец!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67943042

SelfPub; 2023

Аннотация

Все, что хотят наши родители – это, чтобы мы были счастливы! Если мы будем счастливы, значит, они не напрасно страдали, значит, все их труды оказались нужными, все советы были правильными. Наше счастье – оправдание их жизни. А если мы несчастны? Вы знаете, как им трудно это пережить? Это почти невозможно. Постарайтесь, пожалуйста, быть счастливыми))) Вы им должны))

Екатерина Гликен

Да будьте счастливы вы, наконец!

Эпиграф

Дракон приземлился на площадь,
Поздно считать, что ты спишь... (БГ)

Дни рассыпались как бусины из дешёвого ожерелья. Лёгкие, как будто пластмассовые, они моментально закатывались в разные уголки памяти.

Она пыталась собрать их воедино и нанизать на личную нить временной последовательности. Отыскивать их в тумане сознания становилось все тяжелее и мучительнее. И тем тяжелее, что находились они в совершенном беспорядке и беспрестанно путались.

Один Она нашла прямо за ножкой низенькой табуретки. Короткое воспоминание. Ножка табурета, на ней большая терка для шинковки капусты. Мамины руки. Мама показывает:

– Вот морковки столько, сколько рука захватит. Кидаешь и мнешь.

Руки у мамы были разные. Ногти не росли почему-то никогда. Были мягкими и быстро ломались. На правой руке

они всегда были треугольными, а на левой – закругленными. Позже, когда Она сама квасила капусту, Она постоянно видела эти мамины руки, "сколько захватит".

Она посмотрела на свои. Её руки были другими. Почему-то ногти резко очерчивались грязной черной каёмкой. Почему? Может быть, Она что-то копала в саду? Может, у Нее есть сад? Да, наверно! У Нее определено есть сад и Она что-то там сажает. Что? Морковь? Она завертела головой, оглядываясь по сторонам, желая отыскать хоть маленький огородик, хотя бы на окне. Но не нашла ровным счетом ничего.

Но ведь должен быть? Сад. А в нем розовые розы... Она точно помнила, что нужно было посадить белые, а почему-то выросли розовые. Перед глазами вновь мелькнула яркая картинка. Красочная страница книги. На рисунке какие-то смешные человечки большими кистями перекрашивали розы. Немного поодаль на это, раскрыв рот, смотрела маленькая девочка. Девочка была очень хорошенькая, с растрепанными волосами и сонными глазами. Впрочем, девочка не была нарисованной, а лежала рядом в кровати.

Дочь? Да-да! У меня есть дочь, и мы вместе любим читать "Алису в стране чудес". О, прекрасные вечера, которые мы проводим с ней за чтением. Она так хохочет, когда я изображаю мартовского кролика: "Ой, мои бедные усики!"

Ой, моя бедная дочь! Что с ней сейчас, долго ли я отсутствовала, она дома одна, голодная! А я сижу тут, бездарно

пляясь на руки! Может быть, я дома, и моя дочь тут рядом со мной?

И Она снова начала оглядываться по сторонам, сиюсь узнать хоть что-нибудь в комнате. В этот раз Ее глаза натолкнулись на другие, серые и очень грустные. Перед Ней сидела молодая женщина. Темные жесткие волосы, прямой пробор, острый подбородок. Все это создавало неприятное, отталкивающее впечатление.

Она быстро отвернулась. Взгляд снова упал на руки. На черную кайму под ногтями. Это было отвратительно и стыдно. Эти руки, грязные ногти да еще при посторонних! Она поджала пальцы. Что-то блеснуло. На безымянном пальце руки было кольцо.

"Володя! Как же я могла забыть! Володя!" Воспоминание бросило ее в маленькую комнату с длинным столом, уставленным тарелками и бокалами. Гости. Много людей, все веселы и кричат. Муж получил повышение, и сегодня они празднуют это событие. Вот только, кто из этих людей ее муж?

– А где Володя? – спросила Она в пустоту видения.

– Его нет, – ответил чей-то голос.

В ту же минуту видение исчезло, и Она вернулась в комнату к женщине с серыми глазами.

– А где он?

– Он умер, – сказала сероглазая и почему-то заплакала.

"Какие глупости!" – подумала Она. – "Меня проверяют!"

Это все демократы с их мерзкой перестройкой! Они проверяют меня, Володя, наверняка, арестован,..В конце концов, откуда они знают, про какого Володю я спрашиваю. Такое имя у многих. Они что-то знают, что-то, что я забыла. Вероятно, поэтому я и не могу ничего вспомнить, должно быть меня пытали, били, и теперь – амнезия. Но почему она плачет?"

– Я могу пойти домой?

Сероглазая совсем разрыдалась. Это было невыносимо. Она взяла ее за руку, чтобы успокоить. Рука была холодная и влажная. Какая-то кукольная. Единственное, за что цеплялся взгляд, – были ногти. Треугольные и короткие. Где-то она уже видела такие. Только где?

– Мама! – всхлипнула сероглазая. – Это я, Марина, неужели ты не помнишь?

"Марина-марина-мариининаа", – зазвучал в голове веселенький мотивчик, на душе стало весело, как тогда на танцах, когда праздновали Ее сорокалетие. И Она от души рассмеялась, припомнив, как разгоряченная танцевала прямо на улице.

Нельзя было праздновать сорокалетие, это дурная примета, зря не верила, когда говорили, теперь вот чертовщина какая-то происходит.

Воспоминание исчезло так же быстро, как и появилось.

Она сидела на кровати в больничной палате, рядом, на низеньком стульчике, – Ее заплаканная дочь, Марина.

– Мариночка, как же так? Давно ты пришла? Как вы там мои милые, хорошие? Как Боря? Не обижает?

– Мама! – всхлипывала Марина. – Я решила развестись с ним! Он изменил мне! Опять! Со своей секретаршей! Это уже с новой! Я ращу его детей, днями и ночами выйти из дома не могу, сопли им вытираю! А этот кабель....

"А ведь так хотелось, чтобы всё было бы хорошо! Ну хотя бы у детей Какие же мы все несча..."

"Ой, мои бедные лапки", – пискнул рядом белый кролик. И хорошенькая девочка с растрепанными волосами весело рассмеялась. И Она рассмеялась. Она была счастлива, все было хорошо. Все было впереди...